

Сакура вцепилась в опору, не сводя глаз с шиноби, стоящего высоко над ней. Она не знала, сможет ли уклониться от кунаев с такой позиции. Она не знала, сможет ли увидеть брошенный кунай. Сакура инстинктивно закрыла глаза при первой вспышке магния, но так же инстинктивно открыла их снова, чтобы встретить последнюю атаку противника.

Она не могла думать об этом, так как оставила еще тлеющего врага в непосредственной близости от других легковоспламеняющихся предметов. Она едва держала себя в руках. Она почувствовала облегчение, когда шиноби, продолжавший так тщательно выстраивать схему, которая должна была уничтожить мост и всех, кто на нем находился, усмехнулся и повернулся к ней спиной, демонстрируя откровенное пренебрежение.

Сакура искренне хотела лишь одного - продолжать трусить у ватерлинии, но за белым светом ожогов роговицы она видела горящего человека. Руки ее дрожали, но твердый вес ножа в ее руке поддерживал ее. Она не могла допустить, чтобы это случилось с Тадзуной и остальными. Страх был велик, но страх выжить после взрыва, который она, по сути, допустила, был еще сильнее. Не намного, но достаточно.

Она ошиблась, когда начала подниматься по колонне, и ее нога угодила в воду, не такую твердую, как колонна, и прокусила кожу на колене и под бровью. Соленая вода, просочившаяся в них, жгла, но она стиснула зубы и помчалась вверх. Если она задыхалась, что с того? Все равно ее приближение не было неожиданностью, и она не знала достаточно о взрывных устройствах, чтобы судить с такого расстояния, использует ли он механический таймер или чакра-импульсный взрыватель, и насколько он близок к завершению начерченного рисунка, который гарантирует, что мост и все, кто на нем находится, останутся лишь обломками и воспоминаниями. Если он закончит до того, как она до него доберется, если это случится...

Она отмахнулась от этой мысли.

Она не знала, как обезвредить взрывчатку, так же как и как ее заложить.

Она нащупала в подсумке кунаи и метнула их в противника. Руки дрожали, но знакомое ощущение прохладных металлических петель под пальцами напомнило о бесконечных тренировках в Академии. Тогда она не понимала бесчисленных часов, казавшихся ей бездумной тренировкой, но теперь понимала. Теперь не имело значения, что ее целью был человек, а не нарисованная мишень. Ее тело знало это, даже если разум отставал.

Но цель среагировала, отразив ее кунай одним из своих. Она чувствовала, что он не так быстр, как Какаши-сенсей или Забуза, но это ее не успокаивало. Ему не нужно было быть джоунином, чтобы быть лучше Сакуры, особенно в данный момент. Белые вспышки немного потускнели, но она все еще видела странные световые тени. Она отбивала его ответные кунаи ножом, но, хотя он сидел в ее руке естественно, рукоять была рассчитана на руки не намного больше ее собственной, она была неловка в его использовании. Сакура приняла обратный хват естественным образом, рукоять и лезвие были сформированы таким образом, чтобы способствовать этому, но она никогда раньше не защищалась оружием в таком положении.

Один из кунаев прошелся по плоскому лезвию и прочертил неглубокую дорожку по ее руке, и ей пришлось резко сместиться, чтобы не позволить ему проникнуть в тело. Но почему-то она не могла заставить себя выпустить оружие, которое так бездумно выхватила. Но обмен кунаями прекратился, когда расстояние между ними сократилось, и каждый приготовился к встрече с другим. Сакура просто атаковала, но ее противник выхватил из сумки свиток. Когда он раскрыл его, то увидел оружие, подобного которому она никогда не видела.

При его росте это было что-то вроде боевой дубины, сделанной из дерева, похожего на молодое, с корневищем на конце, превращенным в путаницу заостренных остриев и зазубренных лезвий, вбитых в дерево. Это не было изящным оружием. Это не было настоящим оружием ниндзя, это не было даже оружием, которое могло бы удовлетворить большинство уличных бандитов. Но оно давало ему еще большее преимущество в расстоянии, а кожа, кости и мускулы удивительно не любят мастерства, когда сталкиваются с достаточной силой. А лезвия были острыми, как бритвы, с большим, хорошо смазанным блеском.

Дерево было окрашено в насыщенный кроваво-коричневый цвет.

"Поторопись, девочка, - ворчал ее противник, - у меня нет целого дня".

Сакура жалела, что считает себя достаточно искусной, чтобы играть на время. Ей требовалось все, что она имела, чтобы продолжать битву, в которую она не хотела вступать, вся ее воля, чтобы продолжать двигаться вперед. Те несколько напряженных секунд, когда они думали, что Какаши-сенсей мертв, были достаточно плохими. Но сейчас было еще хуже.

Может быть, потому, что она была одна. Она ожидала, что Сасукэ-кун победит, независимо от того, что случилось с их джоунином-сенсеем, но она...

Но размышления прекратились, когда он сделал первый взмах, пропустив ее через руку, пока не стал держать ее как битву. Он оказался еще длиннее, чем она думала, и она неловко попятилась в сторону, потому что если бы она забылась и прыгнула, то все было бы кончено. Все равно что прихлопнуть муху. Даже если бы ей удалось как-то заблокировать удар, он был тяжелее, и рычаг был на его стороне. Ей нужно было перенести эту битву в другое место.

Тем более что она не была уверена, как долго еще сможет удерживаться на ногах, крепко держась за нижнюю часть моста. Пойдет ли он за ней? Именно эта мысль занимала ее мысли, пока она старалась держаться вне зоны досягаемости, отталкиваясь от него без особого труда. Его стиль боя был столь же уродлив, как и его оружие: широкие замахи, переходящие в дикие выпады, но на этом поле боя и против Сакуры он оказался эффективным.

Сакура оглянулась и увидела, что потеряла больше позиций, чем думала. Она была почти у самого края моста, а вдалеке маняще болтались крюк и трос неработающего крана с решетчатой стрелой.

Может быть...

Ее разум был слишком затуманен паникой, чтобы составить нечто достаточно связное, чтобы назвать это планом, который предполагал больше шагов и более четкие намерения. Но ей нужно было сменить поле боя. Ей просто необходимо было выжить.

У нее было гораздо больше сюрикенов, чем кунаев, и ни один из них не принесет ей пользы, если она умрет здесь, поэтому она свободно использовала свой запас, стараясь попасть ему в ноги, пока они продолжали свой стремительный, неловкий танец. Она раздражала его, она это ясно видела, и когда, наконец, в последнюю секунду быстрым движением запястья, оказавшись в опасной близости от него, послала в него очередь сюрикенов, она привела его в ярость. Когда он потянулся вниз, чтобы вытащить их, она не дала себя заманить, а повернулась, спрыгнула и совершила величайший прыжок веры, который когда-либо совершала.

Свободной рукой она ухватила за трос и обхватила его ногами. Она сразу же порадовалась, что у нее была только одна свободная рука, потому что трос был стальным и безжалостно резал даже мозоли на ее оружии. Используя чакру, а не силу хвата, она скользнула вверх: ее противник предпочел перебраться через край моста и подняться на кран серией прыжков, а не дублировать ее прыжок.

У Сакуры было всего несколько секунд, чтобы перевести дух, прежде чем они встретились в бою на стреле крана. Теперь они оба были более ловкими, о чем Сакура сожалела, когда у нее оставалось время на то, чтобы хоть что-то почувствовать.

А потом это случилось.

Сакура устала, ее чакра текла уже не так легко, как в начале боя, и в какой-то момент ее равновесие стало шатким, а контроль над собой ослаб. Она едва успела зацепиться за одну из перекладин, прежде чем упала, и шатко повисла на одной из них, зацепившись рукой, которая была в крови. Рука дрожала, борясь с гравитацией и весом собственного тела. Ни один спарринг в Академии не подготовил ее к этому. Всегда можно было подстраховаться и сдаться, а теперь оставалось только выбирать, отпустить или нет.

Ее противник, казалось, хотел поторопить ее с решением. Он усмехнулся и надавил ногой на ее руку, которая и без того была сильно поцарапана от столкновения с кабелем. Сакура вскрикнула - боли хватило, чтобы перебороть усталость и вызвать мгновенный рефлекс. Она вогнала нож ему в лодыжку.

"Ах ты, сука!" - проклинал он ее, смещая свой вес, чтобы опустить дубинку, но она уже использовала импульс, вызванный ее движением, чтобы приблизиться достаточно близко, чтобы схватить его за другую ногу своей новой свободной рукой. Она крепко вцепилась в его лодыжку и изо всех сил дернула ее к себе. Весь его вес пришелся на эту ногу, и он потерял равновесие настолько, что нога соскользнула вперед на дюйм в воздух. Вес и гравитация взяли верх там, где закончились ее силы, и его таз с хрустом столкнулся с неподатливым стальным прутком. Он почти потянул ее за собой вниз, но она, воспользовавшись его телом, пробила себе путь наверх, пока не оказалась на вершине стрелы. Его ноги неловко спутались, и нож снова оказался в пределах досягаемости.

Сакура взяла его. И без лишних колебаний, подстегиваемая страхом, она закончила бой. Один раз, два раза, потому что от страха она стала неуклюжей и ошиблась с первым ударом, а потом все закончилось. Сначала она могла только стоять и дрожать, держась почти так же неловко, как и он, потому что не могла больше доверять своей чакре, но потом с нее было достаточно.

<http://tl.rulate.ru/book/100569/3438564>